

Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности

Аннотация. Ведущим фактором трансформации правовой сферы постиндустриального общества выступают технологические вызовы, которые создают риски технологической и законотворческой сингулярности. Правовая культура преобразуется в связи с формированием нового мировоззрения и правового мышления, что отражается на культуре правотворчества. Цель исследования заключается в определении факторов, закономерностей, перспектив и рисков трансформации культуры правотворчества постиндустриального общества. Результатом стало выявление факторов трансформации культуры правотворчества. Увеличение технологического компонента в составе культуры правотворчества постиндустриального общества обусловило такие закономерности ее трансформации, как симбиоз юридических и цифровых технологий, стирание граней между объектом и субъектом, объектом и результатом правотворчества. Перспективы дальнейших трансформаций культуры правотворчества — обретение ею новых функций, преобразование системы права и реструктуризация его источников, новации в части субъектного и объектного состава, стадий и технологического компонента правотворчества, присущей ему терминологии. Человеко-машинное взаимодействие, гибридизация как основной признак формирующейся «цифровой» культуры правотворчества не только обладают преимуществами, но и таят в себе серьезные риски, управление которыми, наряду с опережающим воздействием, становится важнейшей функцией культуры правотворчества постиндустриального общества.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, технологические вызовы, цифровизация, правовая культура, культура правотворчества, искусственный интеллект, субъекты правотворчества, стадии правотворчества, правотворческий краудсорсинг, прогностическая функция правотворчества.

**Максим Викторович
ЗАЛОИЛО,**

ведущий научный
сотрудник
отдела теории права
и междисциплинарных
исследований
законодательства
Института
законодательства
и сравнительного
правоведения
при Правительстве
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
z-lo@mail.ru
117218, Россия,
г. Москва, ул. Большая
Черемушкинская, д. 34

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073

MAXIM V. ZALOILO,

Leading Researcher of the Department of theory of law
and interdisciplinary studies of legislation
at the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Cand. Sci. (Law)

z-lo@mail.ru

34, ul. Bolshaya Cheremushkinskaya, Moscow, Russia, 117218

Post-industrial Culture of Law-making: a New Image of Reality

Abstract. *The leading factor of the transformation of the legal sphere of post-industrial society is the technological challenges that create risks of technological and legislative singularity. The legal culture is transformed in connection with the formation of a new worldview and legal thinking. The purpose of the study is to determine the factors, patterns, prospects and risks of transformation of the culture of law-making in post-industrial society. The result was the identification of factors of the transformation of the culture of law-making. The increase of the technological component in the composition of the law-making culture of post-industrial society has caused such patterns of its transformation as the symbiosis of legal and digital technologies, the blurring of the lines between the object and the subject, the object and the result of law-making. Prospects for further transformations of the culture of law-making are revealed — acquiring new functions, transforming the system of law and restructuring its sources, innovations in the subject and object composition, stages and technological component of law-making, its inherent terminology. Human-machine interaction, hybridization as the main features of the emerging “digital” culture of law-making not only has advantages, but also carries serious risks, the management of which, along with the proactive impact, becomes the most important function of the law-making culture of post-industrial society.*

Keywords: *post-industrial society, technological challenges, digitalization, legal culture, culture of law-making, artificial intelligence, subjects of law-making, stages of law-making, law-making crowdsourcing, predictive function of law-making.*

Современные глобальные вызовы, с которыми сталкивается человечество (технологические, экологические, эпидемиологические, антропологические и др.), обуславливают переход к новому, третьему после традиционалистского и техногенного, типу цивилизационного развития — постиндустриальному обществу¹, экономической основой которого выступают пятый и наступающий шестой технологические уклады.

¹ См.: Touraine A. La Société Post-Industrielle. Naissance d'Une société. Paris : Éditions Denoël, 1969 ; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. New

Формируется новый тип человека и, соответственно, новый тип правовой культуры, для которой характерны ее секуляризация, приоритет разумного начала в правообразовании, доминирование принципа антропоцентризма, проявление правовой апогамии, правовой постмодернизма, новое понимание субъекта права в качестве его творца, поиск новых моделей регулирования².

Эти черты приобретает и культура правотворчества, которая, как и вся динамика права, определяется технологическим прогрессом, усилением роли информации в формирующемся обществе знаний.

Исследования права с позиции культуры сегодня приобретают особую актуальность³. Законотворчество «предполагает глубокое знание прошлого, настоящего и нашего будущего, происходящих в стране процессов, исследование потребностей, интересов и устремлений людей», поэтому «законодатели должны обладать не только высокой общей культурой, но и овладевать специальной законодательной культурой и техникой»⁴.

Правотворческий процесс с развитием информационно-коммуникационных и цифровых технологий, с одной стороны, упрощается (что заключается в ускорении процессов обработки правовой информации за счет применения соответствующих технологий), а с другой стороны, усложняется, требуя от субъектов правотворчества определенных новых знаний, навыков, умений, отвечающих духу времени.

В постиндустриальном обществе под воздействием разного рода факторов формируются новое мировоззрение и соответствующее правовое мышление, что приводит к трансформации как правовой культуры в целом, так и культуры правотворчества в частности. К их числу относятся факторы:

- правовые (изменение сферы и пределов правового регулирования, динамика развития правовой сферы, особенности правового управления переходом к новому технологическому укладу, поиск адекватной модели правового регулирования новых и изменяющихся общественных отношений);
- социальные (изменение парадигм развития современной цивилизации);
- технологические (развитие информационно-коммуникационных, био-, нано-, когнитивных, цифровых технологий, их внедрение в государственное управление, бизнес-среду, жизнедеятельность человека и общества);
- эпидемиологические (пандемия COVID-19, угрозы возникновения иных сложных эпидемиологических ситуаций).

York : Basic books, Corp., 1973 ; *Степин В. С.* Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 99.

² *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 2. С. 12—15.

³ См.: *Maurer B.* The Cultural Power of Law? Conjunctive Readings // *Law & Society Review*. 2004. № 38 (4). P. 843—850 ; *Rosen L.* Law as Culture: An Invitation. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2006 ; *Мальцев Г. В.* Культурные традиции права. М. : Норма ; Инфра-М, 2013 ; *Nelken D.* Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values // *Annual Review of Law and Social Science*. 2016. № 12 (1). P. 45—62 ; Культуральное измерение права / под ред. И. Л. Честнова. СПб. : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2018.

⁴ *Керимов Д. А.* Культура и техника законотворчества. М. : Юрид. лит., 1991. С. 15.

Расширение сегмента технологического знания в правотворчестве выводит его культуру на качественно иной уровень, где стирается грань между объектом и субъектом, деятелем и материалом, культурой и природой. Закономерность нового типа культуры правотворчества заключается в том, что ее элементы обладают одновременно чертами объекта и субъекта правотворчества (искусственный интеллект), объекта правового регулирования и регулятора общественных отношений (распределенный реестр).

Трансформация культуры правотворчества идет в следующих направлениях:

- 1) реструктуризации источников права:
 - создание гибких регуляторов отношений в постиндустриальном обществе;
 - изменение роли закона, инструментов мягкого права, программно-стратегических документов;
 - циклизация правового массива;
 - обретение правовыми регуляторами цифровой и машиночитаемой формы;
 - переход от нормативности к индивидуализации правового регулирования;
- 2) изменения субъектного состава правотворчества:
 - появление нетипичных и изменение ролей типичных субъектов правотворчества («законодатель как посредник», правотворческий краудсорсинг);
 - утверждение формулы человекоцентричного правотворчества;
 - модернизация подхода к подготовке специалистов в области правотворчества;
 - переход объекта в субъект (искусственный интеллект);
- 3) подвижности сферы правового регулирования:
 - существовавшие ранее общественные отношения, урегулированные с помощью права;
 - существовавшие ранее общественные отношения, не урегулированные правом;
 - новации существовавших общественных отношений, требующие правовой регламентации;
 - новые общественные отношения, не урегулированные правом;
- 4) увеличения удельного веса ее технологического компонента:
 - применение классических юридических технологий (прогнозирование, планирование);
 - расширение спектра юридических технологий (правотворческий краудсорсинг, регуляторные песочницы и гильотина, мониторинг);
 - развитие конвергентных, информационно-коммуникационных технологий;
 - симбиоз юридических и цифровых технологий;
- 5) появления новых функций.

Цифровизация определяет модернизацию системы правовых средств и юридических технологий, что влечет изменение парадигмы правотворческого процесса, модификацию его субъектного состава, выдвижение на передний план человека как творца права в постиндустриальную эпоху. Правотворчество становится более открытым и демократичным, возрастает значение тех его стадий, где реализуются элементы прямой демократии — краудсорсинговые технологии: общественные правотворческая инициатива, обсуждение, экспертиза проектов нормативных правовых актов (НПА).

Институты общественного участия дают возможность гражданам как вносить конструктивные предложения, так и выражать свой протест, поэтому они

могут являться публичной формой выражения мнения населения, отучающей граждан от уличных акций и способствующей «корректному» общению власти и народа.

Ставится вопрос о возможности применения описаний норм права на формальных языках в дополнение к традиционным источникам права на естественных языках⁵. Автоматизации без ошибок в интерпретации прежде всего могут быть подвергнуты нормы, отвечающие требованиям конкретности, полноты, законченности, определенности назначения и ясности изложения. Эти же критерии необходимо соблюдать при формировании норм на естественном языке для целей обеспечения возможности их перевода в алгоритмы.

Происходит модификация стадий правотворчества. Помимо трансформации содержательного наполнения ставших уже традиционными стадий (разработка текста проекта НПА, его согласование, официальное опубликование), возможно расширение сферы применения общественного обсуждения проектов НПА, появление новых стадий — «оценки машинными методами степени сложности текста НПА и прогноза качества правоприменительной практики»⁶, «оценки поправок, вносимых в процессе рассмотрения проекта (проверка текста проекта на предмет его соответствия первоначально обозначенным целям)»⁷.

Разработка новых способов установления правовых норм позволяет прогнозировать появление стадии толкования нормы на предмет ее соответствия техническому заданию по переводу в машинный код. При этом справедливо замечание о необходимости соблюдения баланса между продолжающейся автоматизацией правотворчества и его конституционно-правовой природой, «недопустимости внедрения таких технологических решений, которые бы существенно изменили этот процесс»⁸.

Происходящие языковые трансформации актуализируют проблемы совершенствования языка правотворчества⁹. Унификация терминологии в сфере правотворчества способствует рациональной организации этого процесса и оптимальному правоприменению за счет единообразного понимания содержания непротиворечивых правовых норм.

Правовое регулирование цифровизации правотворчества в России пока не сложилось. Его концептуальную основу составляют документы стратегического

⁵ Концепция развития технологий машиночитаемого права // URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6af3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf.

⁶ Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Япрынцева И. М., Ижаев О. А. Процедурные пределы цифровизации законодательного процесса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2019. № 3. С. 76—77.

⁷ Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Япрынцева И. М., Ижаев О. А. Указ. соч. С. 77.

⁸ Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Япрынцева И. М., Ижаев О. А. Указ. соч. С. 72—73.

⁹ См.: Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. 1971. Вып. 24. С. 18—34 ; Чернобель Г. Т. Теоретические основы упорядочения юридической терминологии // Проблемы совершенствования советского законодательства // Труды ВНИИСЗ. 1983. Вып. 27. С. 51—63 ; Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфра-М, 2019.

планирования¹⁰, где очерчены контуры внедрения технологических новаций в правотворческий процесс. Очевидно, что совершенствование и повышение эффективности культуры правотворчества в постиндустриальном обществе невозможно без разработки и утверждения стандартов правотворчества¹¹, где должны найти отражение нормы о цифровизации и информатизации этого процесса.

Культура правотворчества приобретает функции:

- опережающего отражения действительности (прогностическая);
- обеспечения коммуникации между субъектами права (коммуникативная);
- отражения основополагающих ценностей человеческой цивилизации и правовых ценностей (аксиологическая);
- выявления, оценки и преодоления рисков (управления рисками).

Последняя функция имеет особое значение. Трансформация культуры правотворчества в направлении ее технологизации влечет существенные риски:

- юридические (пересмотр и новации источников права, создание гибких регуляторов обуславливают проблемы нивелирования принципа законности в угоду конъюнктурной целесообразности, возрастания негативной правовой неопределенности и фрагментарности, злоупотребления правом; неопределенность имеется и в правовом категорировании отдельных технологий (искусственный интеллект, распределенный реестр));
- технологические (коллизии в применении технологий, цифровой активизм, цифровое неравенство граждан, технологическое отставание государств, киберугрозы);
- социальные (сокращение рабочих мест, манипулирование общественным мнением, угроза существованию человечества) и др.

Модификация субъектного состава правотворчества в направлении активизации общественного участия имеет и обратную сторону, порождая ряд негативных явлений, в общем обозначаемых как цифровой активизм (диванный активизм (слактивизм), кликтивизм, метаголосование, самоутверждение, электронное финансирование, «ботивизм» и т.д.)¹². Цифровизация и развитие иных высоких технологий бросают вызов культурным ценностям, коренным условиям человеческого существования, независимо от его принадлежности к той или иной культуре.

Казалось бы, совсем недавно ученые заговорили о четвертой промышленной революции¹³. Однако уже сейчас прогнозируется пятая промышленная

¹⁰ См., например: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹¹ О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М. : ИЗиСП, 2021.

¹² См.: Joyce M. Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. New York : Idebate Press, 2010 ; Ciszek E. Digital Activism: How Social Media and Dissensus Inform Theory and Practice // Public Relations Review. 2016. № 42 (2). P. 314—321 ; Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 1. С. 41—57.

¹³ Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016.

революция, итогом которой станет объединение искусственного интеллекта, биотехнологий, редактирование генома. Речь идет не просто о развитии цифровых технологий, в частности о самой главной из них — искусственного интеллекта, а о слиянии последнего с биотехнологиями.

С внедрением в правотворческий процесс технологий искусственного интеллекта, больших данных аналитическая деятельность становится задачей этих технологий, а не человека. Их применение возможно на разных стадиях правотворческого процесса. И если сейчас уместно рассуждать о сотрудничестве искусственного интеллекта и человека — специалиста в области правотворчества, то в будущем не исключен симбиоз юридических и цифровых технологий, который приведет к изменению основных элементов, стадий и субъектного состава этого процесса и, возможно, полностью исключит из него человека.

Культура правотворчества приобретает важную прогностическую функцию, связанную с опережающим характером правового воздействия. В связи с этим в правотворчестве возрастает значение стратегических документов, повышается роль его определенных стадий (формулирование идеи и концепции проекта НПА) и юридических технологий (прогнозирование). Законодатель (субъект правотворчества) уже не выступает как естествоиспытатель. Если ранее его задача заключалась в том, чтобы «видеть право в самой действительности... воплотить в законе объективные потребности общественного развития»¹⁴, то теперь правотворчество не сводится к простому познанию общественных отношений, но является предугадыванием, конструированием реальности. Таким образом, в понимании сути правотворчества происходят качественные изменения (от поиска права и отражения его в принимаемых нормах до конструирования, преобразования действительности).

Превентивное (опережающее) правотворчество позволяет избежать законотворческой сингулярности, с наступлением которой «законодатель (человеческий разум) окажется неспособным понять прогресс технологий, влияющих на взаимодействие человека и компьютера»¹⁵.

В связи с затронутой проблемой устаревания нормативного правового акта уже в момент его опубликования предлагается модель цифрового (интерактивного) закона как совокупности альтернативных сценариев с изменяемым посредством сетевого краудсорсинга содержанием¹⁶. Его появление требует изменения самой модели правотворчества, однако вызывает определенные опасения (повышение неопределенности права, утрата им качества стабильности, проблемы автоматизированного применения)¹⁷.

Одновременно известны инициативы о появлении в системе права гибких регуляторов (мягкого права), которые в перспективе могут составить основную массу

¹⁴ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 9.

¹⁵ Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 1. С. 56.

¹⁶ Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. 2001. Vol. 47. P. 49.

¹⁷ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : ИЗИСП ; Инфра-М, 2019. С. 32—33.

среди источников права в противовес закону, которому отводится роль документа, определяющего направления развития, ключевые цели и принципы, основные черты правового статуса адресатов регулирования¹⁸. Это требует решения вопросов устранения коллизий между традиционными и новыми регуляторами, определения сфер общественных отношений, которые будут регламентированы по-старому либо станут предметом «мягкой» регламентации.

Одновременно закономерностью социального взаимодействия становится индивидуальность, о чем свидетельствуют современные маркетинговые технологии. Один из возможных сценариев правового развития состоит в отказе от нормативности права и переходе к индивидуализации (персонификации) правового регулирования на основе применения конвергентных технологий.

Непосредственным образом уровень культуры правотворчества связан с овладением его субъектом приемами, правилами и средствами юридической техники. В связи с этим в доктрине поднимается вопрос о квалифицированном кадровом обеспечении в сфере правотворчества, разработке образовательных программ для специалистов — норморайтеров¹⁹. Очевидно, что технологизация культуры правотворчества требует новаций в юридическом образовании на основе естественно-научной и технической квалификаций, позволяющих сформировать у будущих специалистов в области правотворчества требуемые знания, умения, навыки и компетенции. Дальнейшее развитие цифровых технологий требует создания новой парадигмы системы профессионального образования, переориентации образовательных целей на развитие цифровых компетенций, внедрения механизмов прогнозирования занятости для мониторинга тенденций в этой области.

Трансформация культуры правотворчества постиндустриального общества сопряжена с целым спектром практических проблем и ставит перед юридической и иными науками ряд важных задач:

- разработка риск-ориентированной концепции трансформации культуры правотворчества в «цифровую»;
- мониторинг правотворческого процесса в России и зарубежных государствах с целью выявления влияния цифровых технологий на правотворческую деятельность и ее эффективность;
- определение тенденций и перспектив развития традиционных и инновационных стадий правотворческого процесса, анализ необходимости выделения новых стадий;
- обеспечение терминологического единообразия правовых актов;
- модернизация правил, приемов и средств юридической техники в условиях реструктуризации источников (форм) права;
- определение пределов цифровизации и технологизации культуры правотворчества.

¹⁸ Концепция организации процесса управления изменениями в области регулирования цифровой экономики // URL: https://sk.ru/documents/357/куи_20200724-после_pr.docx.

¹⁹ Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 16—29 ; Гриб В. В. Проблемы и перспективы становления профессии «норморайтер» в России // Сравнительная политика. 2019. № 3. С. 105—113.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов В. М. Нормрайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2017. — № 6 (119).
2. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. — 2020. — Т. 6. — № 1.
3. Гриб В. В. Проблемы и перспективы становления профессии «Нормрайтер» в России // Сравнительная политика. — 2019. — № 3.
4. Зенин С. С., Кутейников Д. Л., Япрынцев И. М., Ижаев О. А. Процедурные пределы цифровизации законодательного процесса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Серия : Право. — 2019. — № 3.
5. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. — М. : Юрид. лит., 1991.
6. Культуральное измерение права / под ред. И. Л. Честнова. — СПб. : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2018.
7. Мальцев Г. В. Культурные традиции права. — М. : Норма ; Инфра-М, 2013.
8. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона / рук. авт. коллектива Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ИЗИСП, 2021.
9. Пиголкин А. С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования // Ученые записки ВНИИСЗ. — 1971. — Вып. 24.
10. Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 2.
11. Степин В. С. Цивилизация и культура. — СПб. : СПбГУП, 2011.
12. Трунцевский Ю. В. Закон как код и прецизионное право в ракурсе датификации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — Т. 17. — № 1.
13. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — М. : ИЗИСП ; Инфра-М, 2019.
14. Чернобель Г. Т. Теоретические основы упорядочения юридической терминологии // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. — 1983. — Вып. 27.
15. Шваб К. Четвертая промышленная революция. — М. : Эксмо, 2016.
16. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений : сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. — М. : Инфра-М, 2019.
17. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. — New York : Basic books, Cop., 1973.
18. Ciszek E. Digital Activism: How Social Media and Dissensus Inform Theory and Practice // Public Relations Review. — 2016. — № 42 (2).
19. Howes D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // McGill Law Journal. — 2001. — Vol. 47.
20. Joyce M. Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. — New York : Idebate Press, 2010.
21. Maurer B. The Cultural Power of Law? Conjunctive Readings // Law & Society Review. — 2004. — № 38 (4).
22. Nelken D. Comparative Legal Research and Legal Culture: Facts, Approaches, and Values // Annual Review of Law and Social Science. — 2016. — № 12 (1).
23. Rosen L. Law as Culture: An Invitation. — Princeton; Oxford : Princeton University Press, 2006.
24. Touraine A. La Société Post-Industrielle. Naissance d'Une société. — Paris : Éditions Denoël, 1969.

